

İ ñêî âñêàÿ
İ óøêèí èàí à

И. Т. Будылин

«Èàê ñêàçàí î â ÿí öèèëîî ï ääèè...»

(Ì òèèùòèà è çàèèùòèà ï ðíàèòà «Ì óøèèí ñêàÿ ÿí öèèëîî ï ääèè «Ì è-òàèèí âñêèîâ».) Èç îíîòà ðàáîòè ï óçàÿ-çàííââíèèà «Ì èòàèèí âñêèîâ»)

В августе 2003 года в жизни Пушкинского заповедника произошло небывалое событие: в московском издательстве «Кириллица» вышел в свет первый из трех задуманных томов издания «Пушкинская энциклопедия «Михайловское». И вот я держу в руках долгожданный и весьма увесистый том. Сейчас у нее немало благодарных читателей. Но для нас, создателей, в этом томе спрессованы наши искания, сомнения, споры, бессонные ночи и... разочарования. Здесь и поэзия, и религия, и архитектура, и ботаника, и орнитология, и дендрология, и парковедение, и археология, и биографии наших старших коллег, и прошлое края, и многое, многое другое.

Когда мы впервые в музейной практике бесстрашно кинулись к океану архивов и книг, газета «Псковская правда» (01.06.02.) не без сомнений писала: «Четыре человека взялись воплотить в жизнь необычный план - создать пушкинскую энциклопедию». Четыре человека - это мои коллеги: М. Бесарабова, (Козмина), В. Бутрина и Л. Левкова.

Будылин Иосиф Теодорович – канд. пед. наук., академик РАЕН, научный сотрудник музея А. С. Пушкина «Михайловское»

Прежний опыт научной работы predetermined мою роль научного руководителя, а также координатора всех направлений.

На встречах с читателями часто задают вопрос: а как вообще возникает мысль о той или иной книге? Когда дело сделано, не сразу и ответишь: многие оригинальные идеи возникают, казалось бы, «из ничего», хотя если присмотреться, то вызревают они долгие годы и находят воплощение благодаря случаю. Не исключение и наша энциклопедия.

Как это нередко бывало в моей практике, после экскурсии в Михайловское возник долгий разговор с гостями. Так я познакомился с писателем и журналистом Ю. Н. Безелянским и его женой Анной Сергеевной. Юрий Николаевич оказался не просто писателем, но и создателем своеобразного жанра небольших рассказов-хроник. Обычная календарная дата становилась для автора отправной точкой для краткого, емкого высказывания по той или иной теме с современных позиций. Обычный календарь таил возможность стать захватывающим романом.

Очерки-хроники Ю. Безелянского я встречал в периодике, отмечал их оригинальность и теперь с интересом слушал их

автора. Он мечтал издать целую книгу календарных исторических хроник. Не скрою, тогда мне с трудом верилось в осуществление грандиозного замысла одним человеком. Каковы же были мои радость и удивление, когда буквально через год я получил в подарок оригинальную книгу Юрия Николаевича: «Россия от Рюрика до Ельцина. М., 1993» значилось на обложке. Я читал ее не отрываясь, сутки напролет, забыв обо всем. Жизнь моего Отечества развернулась передо мной в лицах, событиях, деяниях вождей и страданиях простых людей как огромное трагическое действо. И главное - «роман» вызывал доверие. А скромный подзаголовок «Календарь российской истории» только усиливал впечатление.

- Кому же, как не Вам создать нечто подобное о Пушкинском заповеднике, - отозвался на мои поздравления Юрий Николаевич.

Да, конечно, я был согласен и внутренне к этому готов. Но в нашем случае надо было учитывать, что Пушкин - не просто имя великого поэта, но и название целой системы ценностей, входящих в основу российской цивилизации. Поэтому его и не смогли в свое время «сбросить с парохода современности». Уникальность Пушкина определила и своеобразие судьбы заповедника, который в те годы также не удалось сбросить со счета. Вокруг его истории сосредоточено множество событий, фактов, человеческих судеб... Одно дело, когда факты (кстати, часто противоречивые) разбросаны по разным источникам, и совсем другое - когда из них соткано систематическое изложение. В нашем случае имена «притягивают» события и факты. Они вступают между собой во взаимоотношения и образуют в идеале целостное повествование. Создать энциклопедию заповедника - это значит, в известной мере создать портрет духовной жизни общества. А документальная основа не позволит его приукрасить.

В те дни уже было подготовлено к печати очень скромное издание моей книги «Золотая точка России» (1994). Это была первая в постсоветской истории книга о Пушкинском заповеднике, которая содержала новые материалы и оценки. Благодаря друзьям она вскоре увидела свет. Я понимал,

что хотя бы небольшой энциклопедический раздел был бы ее украшением. В условиях туристической поездки он мог бы помочь желающим оперативно, в сжатом виде получить нужную информацию. Быть может, она потеряет остроту завтра, но она необходима именно сейчас, пока человек находится в нашем заповеднике и обостренно воспринимает все новое. По своему опыту знаю, как не хватало мне подобных источников в других музеях. Но такой трудоемкий раздел означал увеличение объема издания, привлечения все новых средств, которых ни у кого не было.

К середине 90-х годов в заповеднике произошли неслыханные перемены - прежде всего Русской Православной Церкви был возвращен Святогорский монастырь. Было ясно, что на пороге 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина какие-то перемены произойдут в облике самих мемориальных усадеб. К тому же значительно расширилась территория заповедного пространства. Прежний путеводитель явно устарел. В качестве путеводителя мне было предложено подготовить второе издание «Золотой точки России» - с предисловием известного пушкиниста В. Непомнящего. Появилась возможность дополнить книгу небольшим справочным разделом. Издание увидело свет в 1996 году и разошлось очень быстро.

Подобное сжатое изложение было востребовано самой жизнью: начатый в 1995 году с Тригорского ремонт музеев быстро перерос в полную их реконструкцию. Появилось много людей, что называется «со стороны», не имевших в заповеднике своей истории, но принимавших «революционные» архитектурно-планировочные решения, строивших экспозиции и т.д. Возникли задачи сохранения музейных традиций в заповеднике.

По совету многих гостей пушкинского края, приходивших в Тригорское, где в те годы я заведовал музеем-усадьбой, к 2000 году я подготовил третье - переработанное издание книги. Предисловие к ней написал известный писатель и краевед Н. С. Новиков. Расширенный справочный раздел ее не случайно назывался «Пушкинский заповедник. История и современность». Признаюсь - он был адресован не только посетителям

заповедника, но и архитекторам, художникам, администраторам, которые прежде, чем принимать те или иные решения, должны были, прежде всего, узнать «предмет», иметь к нему свое отношение и сознавать ответственность перед создателями музеев. Не торопиться изменять традициям на волне современной жизни, а прежде всего хорошо изучить их. По сути получилась «мини-энциклопедия».

На одном из совещаний у руководства в те дни прозвучало: «А надо бы и заповеднику издать что-то похожее на то, что в «Золотой точке...». Конечно, я не представлял тогда, что до создания полномасштабного труда оставался всего один шаг.

К концу 1999 года остались позади ремонтно-реставрационные работы в Тригорском. Улеглась строительная пыль. Мне предстояло занять построенный при усадьбе дом хранителя и вернуться к спокойной, традиционной музейной работе. Но тут-то от нового директора заповедника и грянуло: предлагаю вам заняться другой работой - созданием энциклопедии заповедника. Понятно, начинать надо опять с нуля. Но мы дадим вам отдел, без проблем обеспечим командировки в Москву, Петербург... А работа ваша будет подарком заповедника к столетию со дня рождения С. С. Гейченко.

Легко догадаться, что уговаривать меня не было нужды. «Ты вступаешь на новое минное поле, - предупреждали друзья, - ты еще не знаешь, чем это кончится. Это же авантюризм. У вас же нет ни редколлегии, ни редактора, ни корректора. А самое главное - никто из твоих сотрудников такой работой не занимался...». «Нет структуры, так будет, а опыт - дело наживное. Ведь энциклопедия действительно нужна всем... И потом у меня нет оснований не доверять своему руководству...».

В самом деле, нельзя было не видеть, что с середины 90-х годов лицо заповедника сильно изменилось. В коллектив влилось молодое поколение. Вчерашние студенты или бывшие учителя принимались на должности научных сотрудников, экскурсоводов, организаторов. Их стало в три раза больше, чем при С. С. Гейченко. Люди разного опыта, возрастов и знаний обязаны были в

кратчайшие сроки овладеть музейными специальностями. Всем, в том числе и новым руководителям, нужно было срочно учиться разговаривать на одном профессиональном языке. Если в прежние годы работе экскурсовода предшествовала длительная подготовка, то сейчас требовалось срочное овладение новой профессией почти всеми сотрудниками. Для этого нужно было сделать своих новых коллег не только читателями, но и единомышленниками, создателями энциклопедии. Поэтому нами планировались семинары приглашенных специалистов по различным отраслям знаний. Сам процесс работы над статьями мыслился как своего рода «университет» для начинающих музейщиков.

С первого для работы в январе 2000 года перед нами встали вопросы, которые загоняли в тупик: какие слова и по какому принципу включать в словарный состав? Должна ли энциклопедия состоять из разделов, соответствующих названиям музеев, или это будут статьи в алфавитном порядке по всему заповеднику? А кто и как будет толковать религиозные понятия - ведь наше издание светское. Будет ли у нас традиционная статья о Пушкине? А о его произведениях? А что делать с предложением включить статьи по разным философским темам пушкинского творчества? Но в чем тогда будет выражен локальный характер нашей энциклопедии? Или такая, например, «мелочь»: из документов известно, что в пушкинском Михайловском росли... дыни. Имеет ли право такая подробность на существование в нашей энциклопедии? «Ну при чем здесь эти дыни, недоумевали коллеги, - как будто нет более серьезных вопросов!». Я же полагал, что во всем, что имеет отношение к миру впечатлений Пушкина, для нас не может быть мелочей. Ведь он не случайно заметил: «Поэзия бывает исключительной страстью немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни». Из таких «мелочей» и складывается наше представление о реальностях жизни в «глухой деревне» тех лет.

На споры уходило драгоценное время. Они затягивали, словно в водоворот, хотя некие исходные позиции уже становились ясны. Надо было сделать резкий рывок в

сторону практических дел - выполнять конкретные задания, писать, переписывать, снова писать, добиваясь предельной ясности и четкости выражения каждой мысли. Но для начала нужно было уяснить для себя - чего я хочу от авторов. Так появились «Методологические положения», жестко закрепившие конкретные требования ко всем создателям энциклопедии. Им я следовал и сам.

Все содержание, которое планировалось включить в энциклопедию, довольно логично делилось на три тома. Естественно, что первый том посвящался полностью нашим классическим памятным местам - Михайловскому, Тригорскому и Святогорскому монастырю - вплоть до года создания Пушкинского заповедника (1922). На этих ответственных направлениях в течение почти трех лет плодотворно работали В. Бутрина и Л. Левкова - в прошлом сотрудники Михайловского и Тригорского. Некоторые темы, с учетом специфики издания, разрабатывались ими впервые. Хотя отдельные их статьи опубликованы и в других разделах энциклопедии.

Поскольку издание посвящалось памяти С. С. Гейченко, то возникла мысль о разделе «Персоналии». Здесь мы планировали рассказать, прежде всего, о людях, в разные годы вложивших свой труд в создание заповедника. Второй том посвящался усадьбе Ганнибалов - Петровское и музею-мельнице в деревне Бугрово. Поскольку в Бугрово помимо мельницы мои коллеги предполагали открыть музей крестьянского быта, современного Пушкину, становилась актуальной тема местной этнографии. Ее в своих статьях довольно тщательно разрабатывала М. А. Бесарабова (Козмина). Предполагалось, что со временем этнография псковской провинции вырастет в самостоятельное и интересное направление научно-практической работы заповедника.

Особого внимания требовал оригинальный раздел «Псковские усадьбы пушкинской поры и их владельцы». Ведь понятно, А. С. Пушкин жил не в Пушкинском заповеднике. Реальный Пушкин много путешествовал по «губернии Псковской», видел многие места и местечки, деревушки, небольшие усадьбы, был знаком со многими владельцами.

Эти впечатления прочитываются в творчестве поэта. Посвященный Псковской губернии раздел должен был поддержать историко-краеведческую работу заповедника, значительно ослабленную после ухода из жизни известного ученого и краеведа М. Е. Васильева (в журнале «Псков» №22 в 2005 году ему посвящен мой очерк «Хранитель»). Исследования в этой области продолжал наш коллега В. Г. Никифоров. Раздел должен был ввести в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы о современных А. С. Пушкину деревнях, дорогах, по которым путешествовал поэт, о знакомых ему усадьбах, их владельцах. В обстановке, когда одна за другой исчезают деревни и меняется облик пушкинского края, становилось необходимым закрепить и донести до новых поколений «земли родной минувшую судьбу». Возможно, этот раздел стал бы основой для разработки новых оригинальных экскурсионных маршрутов.

Весьма значительным обещал стать том третий, посвященный собственно музею и спорам, которые велись весь период его создания с 1922 года.

Согласитесь, что усадьба жилая и усадьба музейная - различны. Они создаются и воссоздаются с разными целями. Жилая - для прямого использования, а музейная - прежде всего для посещения и осмотра. Поэтому история пушкинского края после 1922 года - это история преобразования обычной местности в необычную, т.е. в заповедник, история, полная драматизма, споров и конфликтов. В итоге заповедник раскрывался не просто как памятное место, но как уникальное социокультурное явление. Особенно важно, что создавалась теоретическая основа, на которой можно было бы развивать заповедник с учетом требований XXI века. Что такое заповедник? Коротко - это территория? изъятая из хозяйственного оборота и служащая культурным целям. И жизнь в нем протекает по другим законам, нежели в обычных усадьбах, домах и парках. Конечно, существует множество юридических проблем охраны? и потому почти вся надежда на профессионализм тех, кто призван быть Хранителем пушкинской деревни. Но современные Хранители должны знать - как создавался

заповедник, каковы общественные потребности его охраны и использования, как эти вопросы решались до них, и многое другое. Давно известно - нет ничего практичнее, чем добросовестная теоретическая основа. Она - фундамент любой практики.

Объективно издание становилось не только справочником для всех желающих, но и учебником для самих музейных сотрудников.

В конце концов, о нашей работе стало известно далеко за пределами Пушкинских Гор. Появились и люди, готовые поддержать нас своими оригинальными статьями, рассказами, предложениями, замечаниями, под-сказками о том, где можно найти те или иные редкие материалы. Неожиданно я получил письмо от дочери первого директора заповедника В. М. Никифоровского Татьяны Васильевны (Кирилловой). Потом состоялись наши неоднократные встречи. Материалы о своем отце, известном педагоге из Петербурга, но работавшем в Опочке, дочь передала в Пушкинский Дом. А нам подарила прекрасную фотографию Василия Митрофановича, сопроводив ее содержательной статьей. Вдруг прислал свои материалы библиограф из Москвы О. Трунов, появились добровольные и очень подготовленные помощники - И. Герасимова из Ярославля и Л. Белявская из Пскова. Однако главные трудности оказались впереди. Мобилизации всех наших сил потребовала религиозная и церковная проблематика, связанная со Святогорским монастырем.

В 1949 году Успенский собор превращен в музей, а в 1992-м монастырь возвращен Церкви. Поколения наших гостей, экскурсоводов и сотрудников выросли на знаниях о монастыре как о музее. Но все-таки А. С. Пушкин посещал живой, действующий монастырь. А когда приобрел здесь место для своего погребения, думал о молитве. Поэтому посвященные монастырю страницы нашего труда содержали другую меру ответственности. Требовалось максимально раздвинуть границы той реальности монастыря, с которой встретился здесь поэт. Во всех прежних, особенно советских, источниках задача была противоположной. Раскрыть внутреннюю жизнь монастыря значило найти еще один путь в мир Пушкина.

Результатом взаимоотношений Пушкина-драматурга и философа с монастырем стала трагедия «Борис Годунов» - по словам автора - «лучшее мое произведение». Ем мы посвятили отдельную статью (по необходимости весьма краткую). Но нравственно-религиозная проблематика, на которой построено это произведение, открывала редкую возможность «ответвлений» основной статьи в параллельных, небольших по объему статьях-спутниках. За счет этих и других статей периферийные или вообще скрытые в советских изданиях церковные понятия и религиозное отношение к ним в нашей энциклопедии выдвинулись в центр внимания. Это касается, например, упоминаемых Пушкиным кельи, ризы, лампы, вериг, алтаря и др. Если нам известно, что у монастырских стен Пушкин вместе со слепцами «тянул Лазаря» (т.е. пел житийные стихи), то у нас появляется необходимость разыскать материалы о Лазаре и рассказать о нем. Если в одном из писем поэт просит прислать ему «ради Бога стих об Алексее, Божиим человеке, и еще какую-нибудь Легенду - нужно», то этот «стих» здесь становится «нужен» и нам. И мы предлагаем читателю приблизиться этому сюжету *вслед за Пушкиным*. (Попутно замечу, что я сам полюбил этот образ, и когда однажды случайно судьба забросила меня в Рим, я выучил несколько итальянских фраз, которые помогли мне найти погребение Алексея на Аветинском холме. А в Пскове отыскалась небольшая церковь во имя Алексея, человека Божия, где ранее останавливался крестный ход из Святогорского монастыря),

Известно, что, находясь в ссылке, А. С. Пушкин просил брата Льва прислать ему Библию. «И французскую непременно». Но ведь наш посетитель имеет право на вопрос: а почему именно французскую? Поиск ответа на него повлек обстоятельную статью об истории изданий Библии в России.

Мы находились в новой для себя сфере знаний. На наше предложение о консультациях отозвались настоятель монастыря игумен Макарий и ученый религиовед из Москвы В. А. Никитин. Они же стали авторами некоторых статей.

Мы не ставили перед собой цели непременно включить в наше издание новые, неопубликованные ранее материалы. Нам представлялось, что в меняющейся постсоветской действительности необходимо прежде всего переосмыслить устоявшиеся стереотипы, вернуть в жизнь забытые и полузабытые понятия, т.к. они, по крайней мере, приближают к читателю творчество поэта. Однако реально энциклопедия стала точкой притяжения для многих вновь найденных архивных материалов и стала первым местом их публикации.

Значительным вкладом в нашу работу оказались материалы писателя и краеведа Н. С. Новикова (Великие Луки). Сквозная тема его трудов «Документы против легенд» весьма определенно отвечала внутреннему смыслу издания. В круг архивных публикаций органично вошли материалы искусствоведа О. В. Емелиной, оригинальные исследования В. И. Охотниковой, Н. Ф. Левина, Е. А. Лысюк (Псков). В работе приняли участие известные авторы - ученые, писатели и практики из Москвы и С.-Петербурга: Д. Н. Вульф, О. А. Кондратьева, Н. Г. Жиркевич-Подлесских, П. Ф. Космолинский, Н. В. Лукина, А. И. Шемардина (Минина), Т. А. Шумовский, Л. М. Щемелева, художник И. Б. Циприс и многие другие. На завершающем этапе в работу включилась Е. Б. Егорова - высокопрофессиональный редактор, ставший нашим другом и единомышленником, взявшим на себя многие труды по выходу издания в свет. Фактически возник неформальный научно-исследовательский институт, где мы исследовали, учились и учили.

Как принято в подобных случаях - плоды наших трудов мы представили на внешнюю рецензию - в Псковский педагогический институт и отдел катехизации Московского патриархата. Конечно, тревожились - поймут ли нас? Положительные отзывы ученых Н. Л. Вершининой, Л. А. Казаковой, о. Иоанна (Экономцева) заставили серьезно отнестись к созданию энциклопедии заповедника даже скептиков.

Неожиданная и весьма важная помощь пришла с берегов Невы - своими материалами о художниках, связанных с заповедником,

поделились исследователи А. Д. Гдалин и М. Р. Иванова. Они значительно обогатили раздел «Персоналии». В него включены более сорока имен людей, которые в течение полувека создавали, изучали и хранили заповедник.

Если бы меня спросили, какой из разделов меня волнует чисто по-человечески, я бы ответил: биографии. Я невольно сравниваю судьбы наших предшественников и современников. До тех пор, пока разрозненные статьи не были собраны в одну папку - они были обычной информацией. Но как только они вошли в единый свод - стало ясно, что передо мной трагическая биография музея-заповедника в лицах. Гражданская и Великая Отечественная войны, пожарища и раскулачивание, аресты, ссылки и репрессии, идеологические «чистки» среди сотрудников и при этом подвижнические труды по сохранению образа А. С. Пушкина в восстанавливаемых наперекор всему мемориальных усадьбах. Как тут не вспомнить вещие слова С. Маршака:

*Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть....*

Том энциклопедии поступил в продажу и сразу вызвал повышенный интерес. В разных изданиях критики писали «о полезности первого тома, о его привлекательных сторонах и каких-то спорных моментах», даже самые строгие соглашались с тем, что появление такой энциклопедии «стоит приветствовать». Другие называли ее «редким в мировой энциклопедистике памятником не только дорогому прошлому, но и его хранителям, основателям и создателям Пушкинского заповедника». Отмечалось, что «энциклопедию читаешь с захватывающим увлечением. К тому же меняется наше представление о жизни в провинции XIX века». Третьи были удивлены «всеохватностью книги» и полагали, что «создание энциклопедии равно по своему значению созданию еще одного музея», подчеркивали необходимость подобного издания для других заповедников. Писали даже, что «издание, которое должны продолжить еще два тома, перешагнет границы и нашего государства и нашего времени». (Все рецензии опубликованы в сб. Михайловская Пушкиниана, вып. 37, М., 2005).

Мы понимали, что за два с половиной года наработали серьезный опыт, а востребованность нашего труда давала основание надеяться на продолжение начатого. К тому же в первом томе содержится масса отсылок к статьям второго и третьего томов, которые уже были анонсированы. С учетом их специфики были перегруппированы творческие силы.

В течение последующих полутора лет нами велась параллельная работа над вторым и третьим томами. Был подключен практически весь коллектив. К началу 2005 года в рабочем варианте на 60-70 процентов были готовы оба тома. Но мы не сразу заметили, что «поезд» наш постепенно стал замедлять ход и наконец остановился. Сократилось финансирование. Вскоре полностью отменились поездки в научные центры для встреч с коллегами по нашему «НИИ» и работы в архивах, библиотеках. В расчете на восполнение пробелов в будущем приходилось работать на старых запасах - материалах, собранных много ранее. И все чаще в памяти звучали голоса друзей: «Ты еще не знаешь, чем это кончится...».

А кончилось все очень просто, в один день, когда на свет явился драматический для заповедника приказ директора: «В связи с отсутствием необходимых условий для продолжения работы по проекту «Пушкинская энциклопедия «Михайловское» приказываю с 21 апреля 2005 года закрыть проект... остановить работу над энциклопедией... считать расформированным временный творческий коллектив... сдать в архив музея-заповедника все материалы».

«Условия» для работы, что и говорить, у нас были неважные - чего стоит удаленность от научной среды. Но я не мог отделаться от мысли, что произошло какое-то недоразумение или наваждение.

Передача наработанных материалов в архив заняла немало времени. Ситуация прояснилась только через год - в приказе,

призванном изменить направление деятельности всего Пушкинского заповедника: «Темы по изучению творчества А. С. Пушкина и типологии быта пушкинского времени, традиционно являющиеся предметом исследования наших научных сотрудников, должны на время отойти на второй план и разрабатываться параллельно с темами, подводящими итоги деятельности Пушкинского заповедника в той или иной сфере. В то же время полностью отказаться от этих тем нельзя в связи с актуализацией задачи создания на их базе интересных анимационных программ, ориентированных на получение дохода». Главным становилось слово «доход». Одним словом, предлагался Пушкинский заповедник без Пушкина.

Спустя полтора года после издания первого тома состоялась очередная конференция памяти С. С. Гейченко. Один за другим поднимались на трибуну ораторы, и в каждой речи звучала фраза, которую произносили не сговариваясь и независимо от темы выступления: «Как сказано в энциклопедии...». Далее шли рассуждения, одобрения, возникали споры и идеи новых исследований, практические предложения...

Я молча слушал своих коллег и ловил себя на мысли, что именно ради этих минут и стоило трудиться. Пусть будут возражения, дополнения и даже наивные суждения. Но пусть не будет стоячей воды, болота, иллюзии всезнайства, самоуспокоенности и глупого самолюбования.

Итог получился печальным, но иногда меня спрашивают: а вдруг вновь возникли бы вожделенные «условия» - вернулись бы вы к прерванной работе? Нет. Думаю, что нет. Известно, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Возможно, когда-нибудь кому-то и придет мысль продолжить наш труд. Но ему не обойтись будет без созданного первооткрывателями. И это будет уже другая история.